

Синицы

С поздней осени начинаю сыпать на откос за окном подсолнечные семечки, привязываю к деревянным стойкам кусочки сала.

Синицы — особы суетливые. Нет, пожалуй, более подвижной, пугливой и осторожной птицы. Бесперывно оглядывается, вертит головёнкой налево-направо, назад, вверх-вниз, сядет на кусок сала, стукнет своим острым, как игла клювом раз-другой, оглянется нервно вокруг, подолбит и снова остановится, вспорхнет на ветку, осмотрится основательно и снова опустится на лакомый кусок. Пугается постороннего звука, промелька, смотреть на неё сквозь стекло можно только замерев, но стоит перевести взгляд в сторону — взлетает, память у неё недолгая, через мгновение-другое вновь летит к кормушке, вылуцивая из промерзшего куса драгоценные крошки.

В морозные дни, когда деревья во дворе куржавеют, и деревянная крышка ящика за окном покрыта белой застывшей коркой, без жалости невозможно смотреть на этих странниц.

Сидит синичка, поджимает попеременно окоченевшие лапки, подтягивает под брюшко, приседает на них, прячет в перышках, но где там согреться, когда мороз под тридцать, но летает, скачет, ёжится и, бог весть, как полнаперстка крови согревает её до поры до времени, и доживёт ли до тепла? Некоторые орнитологи считают, что каждая десятая не дожидается весны. Такая вот печальная статистика. И поэтому на Руси, где промозглые, стылые дни не менее часты, чем тёплые, особенно в Сибири, сохраняется традиция кормить зимующих птиц.

Холода наступили

Мороз держится долго. Вечером одна синица начала устраиваться на ночлег, все подружки после вечерней кормёжки улетели, а она приткнулась к раме, склонила головёнку на грудь, втянулась по глаза в перышки, трясётся и не улетает, видимо сил нет. В глубоких сумерках я осторожно открыл створку окна и накрыл ее ладонью. Она трепыхнулась, ущипнуть меня успела за палец, пока я пересаживал её в плетеную из лозы корзинку, накрыл тюлем, налил в блюдечко воды, насыпал семечек. Она ожила, шумно и шустро стала вышелушивать ядрышки, а потом вдруг резко затихла. Я подумал, что она уснула, приоткрыл ткань, а она этого и ждала, — выпорхнула, и я с трудом её поймал, гоняясь за ней по комнатам...

Чуть свет забилась, затрепетала в корзинке, и мне пришлось её выпустить. Несколько вечеров я брал её в дом. Однажды она не прилетела.

Самодельный хомуток

Отрезал ломоть мягкого хлеба и бросил через окно на снег. Голуби стали слетаться, воробьи. Дербанят, выклёвывают мякоть, таскают по двору. Вначале круглое отверстие изобразили в горбушке, потом края стали утончать, и получилась почти квадратная рамка. Один голубок оттащил её в сторону, раз клюнул, она подпрыгнула, другой раз клюнул по краю, она перевернулась и наделась ему на шею. Повертел он головой из стороны в сторону, в недоумении, ничего не понял, вспорхнул и улетел с этим неожиданным хомутком.

Ему бы, подумал я, упряжь какую-никакую да кибиточку воздушную, птицам малым прокатиться с ветерком.

Вот радости-то было ему, когда приземлился: столько еды в клюве за один раз не унесёшь.

Драчуны

Выхожу из подъезда. В скверике, в густой корзине сирени воробьиный гвалт, замечаю: на ветке сидят четыре воробья и попеременно нападают на одного, да норовят его прямо в голову, чтоб больше было, а он сидит, помалкивает, не отбивается, не улетает, как будто вину знает. А вокруг стая воробьиная орёт, не то в

знак осуждения, не то в поддержку: так ему, ещё поддайте, ещё. А что сделал этот несчастный, не знаю, начала свары не видел. Да и если бы увидел, тоже мог бы не понять. Птичий язык, как и повадки, только на первый взгляд кажется примитивным, а на самом деле он сложен, как и человеческий.

Вспомнилось, иду по Набережной, оглянулся на истошный воробьиный шум и вижу: один воробей свалил другого на асфальт, распластал его на спине, сел сверху, на грудь, клюёт его, тот только головенкой по сторонам вертит, а верхний не то что в голову метит, а прямо в глаз. Я, конечно, прикрикнул на них, прекратил этот самосуд, хотя кто знает, может, нижний и провинился в чём-то, нарушив установленные природой правила общежития.

Бывает и в жизни нашей, видишь, бьют человека, может быть и заслужил, за дело бьют, а всё равно жалко и нельзя не вступиться.

Сорока прилетела

Днем соседка Вера Николаевна вынесла в миске гречневой каши и высыпала на снег рядом с тропинкой, протоптанной через двор. Стали слетаться воробьи, неторопливо наелись, расселись на плотный частый и большой куст сирени, отдыхают. Сорока прилетела, видимо не голодная, поклевала нехотя и выборочно, смотрит, — каша остаётся. Тогда она берёт слипшиеся комочки в клюв, отходит в сторону, не спеша, переваливаясь с боку на бок, суёт в снег, клювом трижды, слева направо чертит — присыпает, возвращается и повторяет процедуру несколько раз, пока не прилетают голуби, вначале парочка, потом ещё и ещё, собирается большая компания, и воробьи, до того мирно дремавшие на солнышке, казалось, наелись, — спрыгивают с веток и присоединяются к трапезе, чувствуют, что момент надо ловить: скоро кончится каша. А ведь не обращали внимания на еду, пока конкурентов не было. Сорока — важная птица. И по земле ходит степенно, как генерал перед солдатским строем. Одних сородичей, скажем, сорокичей подпускает близко. С другими пернатыми не соседствует. В нашем дворе больше трёх сорок-белобок я не наблюдал.

Малые небожители

*Я хлеб живый, сшедший с небес;
ядущий хлеб сей будет жить вовек. Иоанн 6.51*

Поехал в гараж, достать из подвала морковки. Машины у меня нет. Мы храним овощи у подружки моей жены, Валентины. Они с мужем построили гараж в кооперативе, Геннадий выкопал большой подвал, залил бетоном. Сделал всё старательно и навсегда. Двойной потолок позволял не только хранить овощи в любые холода, но думаю, в будущем и бомбардировки пережить поможет. Честные, работающие готовились жить надёжно и счастливо.

В один из вечеров Геннадий возвращался с дачи. На конечной остановке в Марково к нему привязались какие-то пьяные великовозрастные недоросли, избивали его жестоко за то, что у него не оказалось денег, а им были нужны для продолжения праздника.

После операции, после долгого лежания по больницам, он перестал узнавать родных, стал учиться говорить заново, как ребёнок, не выходил из дома, да и дома его нельзя было оставлять одного, он потерял всякое представление о реальности.

...Путь к гаражу неблизкий. Доехал на автобусе до бульвара Конева, затем пешочком до центральных ворот стадиона «Рекорд», дальше лесочком мимо спортивных хоккейных и футбольных полей до железной калитки гаражного кооператива.

День был сырой и серый, ночью слегка присыпало землю крупким снегом, который тут же и растаял, и только в тени матёрых сосен светлел неширокими прогалинами. Морозов в этом году осенью не было, зелёная высокая трава, переплетённая с прошлогодней увядшей, растрёпанным валом тянулась вдоль тропинки.

Я, как циклоп, нацепил на лоб китайский фонарик: электричества в гараже нет, спустился в подвал, нагрёб в полиэтиленовый пакет из рогожного мешка моркови, уложил её в рюкзак и отправился обратно.

За оградой — под уклон, а затем вдоль стены гаража, выложенной из мощных бетонных блоков, уже использовавшихся и привезённых с какой-то другой стройки.

Стадион приютился в древней роще, столетние в два обхвата сосны стояли, степенно сторонясь друг дружки. На одной из них прямо над тропой — большая кормушка. Какой-то добрый умелец смастерил её основательно и на совесть, с украшенной узорной резьбой крышей, с небольшими окнами и дверцей, которую можно было открывать, но за ненадобностью она всегда бывала закрытой, вмерзая за зиму в набитый ветром в щели снег, но внутри всегда было просторно, и было куда насыпать горсть-другую принесённых с собой семечек или иного корма. Настоящий птичий дворец!

Иногда в спешке я забывал взять что-нибудь для птиц, и тогда шёл вдоль забора к неглубокому овражку, размытому внешней водой, по его краям росли лопухи, на будылях торчали всю зиму над сугробами липучие семена, и я набирал лопушиных шишек, растирал их ладонями и высыпал на деревянное дно.

В начале весны я пошёл в подвал собрать остатки овощей, прибраться возле гаража: за зиму накопилось снега и всякого мусора. Уже издалека пытался рассмотреть возле заветной сосны гаичек, синичек или поползней, а может, и белки порадуют своим весёлым щёлканьем и любопытством, они здесь давно поселились.

Снял перчатку, запустил руку в карман куртки, чтобы нагрести семечек. Домик был прибит с противоположной стороны сосны, издалека его не было видно, но когда я поровнялся — домика не увидел, кора была содрана в местах крепления, да торчали из кирпичных ссадин ржавые шурупы, а в стороне, на полянке, угадывалось занесённое подтаявшим снежком кострище.

«Боже мой, здесь же хватает упавших деревьев, сухих веток, можно легко запалить костерок для первоначального согрева».

Иногда, проходя мимо, я замечал: в стороне кучковались смурного вида компании, находившие укрытие между мощных стволов: до магазина недалеко и полиция не побеспокоит.

Кому помешал птичий домик? Неужели сожгли? Лучше бы какой-нибудь завистливый и никчёмный человек оторвал и унёс её на дачу или приладил во дворе коммунального дома на радость детворе и равнодушным жителям...

...Прошёл метров десять с опущенной головой, и вдруг слышу звонкое: «цик-цик», «цик-цик». Перед глазами мелькнул поползень, — я отшатнулся от неожиданности, — так близко, что казалось, он хотел сесть мне на голову или на плечо. Оживил меня. А у меня ничего нет. С тех пор как исчезла кормушка, я перестал брать с собой семечки, да и наших зимующих соседей не встречал больше возле этой сосны. А тут и белка припрыгала к самым ногам и вопросительно замерла, вскинувшись грудкой с поджатыми лапками, смотрит в глаза. И гаичка подлетела вплотную, как будто знала меня всю жизнь свою короткую, уселась рядом на унылый застывший кустик рябинки. Постоял я недолго под рюкзаком, ноша давит, надо идти. Расчувствовался и даже решил как-нибудь прийти с внуками и соорудить новый птичий домик.

Стало светло и чисто на душе, значит, кто-то продолжает их кормить, если не утратили доверчивости к человеку и надежды в поисках скудного пропитания эти зимующие с нами малые небожители, эти невольные учителя милосердия, сострадания, напоминающие нам о небесном нашем родстве...

*Полтиннички вразлёт и тени,
Карман, прости!
Голодные, холодные, и всё-таки
Покормим птиц!*

*И крошки со стола, и что не съедено
Собрав в горсти,
За то, что стали нашими соседями,
Покормим птиц!*

*Тем паче, если молимся и веруем
Не напоказ,
— Покормим птиц! — и Небо
Накормит нас. —*

Это стихотворение написано умирающим поэтом Борисом Архипкиным. Он и сам в этой жизни был не от мира сего, он был, как принято говорить в таком случае, «белой вороной». Он не сумел создать семью, у него не было детей, он сам был восторженным ребёнком, шарахавшимся от чужих бранных слов, как от удара, и я, да думаю и никто никогда не слышал от него ни злых, ни обидных слов. Может быть, он был среди нас единственным, исполнившим заповедь — будьте как дети — до конца.

— Покормим птиц! — его завещание, как это было важно для него, если он думал о зимующих с нами, о бедных наших птицах-сестрицах в последние дни своей земной жизни...